

Борис Цилевич: "Наши "ястребы" должны молиться на Путина"

Полина ЭЛКСНЕ, Телеграф
16 мая 2005 12:53

Националисты все одинаковы, говорит председатель подкомитета по правам меньшинств Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) Борис Цилевич, комментируя реплики правящего большинства об уникальности латвийской ситуации. И если мы будем постоянно становиться в позу и требовать возвращения долгов за 50 лет оккупации, считает эксперт, то нас просто никто не будет принимать всерьез.

О реформе заговорили юристы

— В пятницу Конституционный суд Латвии рассматривал поданный вами иск об отмене так называемой школьной реформы. Теоретически — вы проиграли, реформа продолжится... Это так или есть нюансы?

— Приговор суда очень длинный, больше 60 страниц. Прежде чем делать какие-то выводы, надо его внимательно изучить. Первое впечатление: у нас нет оснований быть счастливыми, поскольку иск в целом отклонен. Однако в вердикте есть не только минусы.

Отрицательной я считаю его первую часть, которая выдержана в духе утвержденной на прошлой неделе декларации об оккупации — такая у нас сейчас политическая мода. Из контекста приговора сторонний человек сделает выводы, что национальные меньшинства появились здесь только в результате оккупации. Ни слова о том, что Латвия традиционно была мультиэтническим государством. Еще до 1934 года здесь существовала очень прогрессивная для своего времени демократическая система образования национальных меньшинств. Но об этом в приговоре нет ни слова.

— А что же позитивного вы увидели в приговоре? Что вселяет оптимизм?

— Наверное, впервые в истории латвийского правосудия было официально признано, что дети, относящиеся к нацменьшинствам, находятся в ином положении, нежели дети, для которых родным языком является латышский. И что для обеспечения равноправия необходимо различное к ним отношение.

Очень важно, что в текст приговора суд включил и конкретные вещи. В частности, это касается спорного пункта Правил Кабинета министров о языке выпускных экзаменов. Исходя из вердикта, школьники по-прежнему должны иметь право выбирать язык ответа. Министерство может формулировать вопрос на латышском, но учащимся должна быть предоставлена возможность выбирать, отвечать ли на госязыке, или на том, на котором преподавался этот предмет. Этот приговор Конституционного суда имеет силу закона. А значит, Министерство теперь уже не сможет произвольно принять свои какие-то правила или стандарты, которые этот принцип изменят.

Кроме того, Конституционный суд согласился с нашими доводами, что сегодня не существует надежной системы контроля качества обучения. Причем Фемида отметила, что проводить мониторинг должны те, кто принял законодательный акт, — Сейм, правительство, Министерство образования. И хотя суд не может напрямую давать таких поручений, все же он четко отметил: сейчас министерство не контролирует качество обучения, поэтому невозможно оценить, является реализация реформы дискриминационной или нет. То есть из-за отсутствия системы мониторинга нельзя сказать, снижается качество или нет.

Наконец, очень важно, что суд признал: введение реформы не было должным образом подготовлено. Срок вступления в силу реформы должен быть как минимум согласован со сроком введения билингвального образования в основной школе, а это 2007 год. Ведь именно тогда основную школу будут оканчивать выпускники, которые с 1-го класса учатся билингвально. Да, суд не отменил эту норму, но он дал свою интерпретацию. И, по сути, теперь вполне допустимо, что в рамках этих 60% можно использовать и билингвальное обучение — то есть использовать при преподавании этих предметов наряду с государственным и родной язык ученика. Хотя сама норма осталась, но фактически предписывается более гибкая ее интерпретация.

Я считаю, что мы свое дело сделали: нам удалось перевести дискуссию из чисто идеологической плоскости в юридическую. Теперь дело за правящим большинством: готово ли оно отказаться от своих обычных установок — все, кто против реформы образования, заведомые враги государства, — и перейти к конструктивному обсуждению и компромиссу. Суд создал для этого определенные правовые рамки.

— С правительством все понятно. А как изменится ситуация в самих школах? Что теперь нужно делать их директорам?

— Полагаю, сейчас у директоров, учителей, а во многом и у родителей больше свободы действий. Во-первых, Конституционный суд легитимизировал устные рекомендации министра образования. Ведь проблема в том, что сегодня на уровне средней школы понятие билингвального образования не используется вообще. Де-факто разрешается использовать и родной язык ученика на тех уроках, которые по учебным программам проводятся на латышском языке, но это ни в одном нормативном акте до сих пор не было указано! В приговоре суда это отражено, и теперь у директоров и учителей намного больше возможностей для маневра.

Кроме того, у директоров есть все основания требовать от министерства создания эффективной системы контроля качества и самим участвовать в разработке этой системы. Поскольку Конституционный суд этого совершенно недвусмысленно от государства потребовал.

Что скажут "евромудрецы"?

— Если говорить о Рамочной конвенции по защите национальностей, то на ваш взгляд эксперта в области прав человека за что больше всего могут подвергнуться критике наши власти — за оговорки в конвенции или за определение национальностей?

— Я думаю, за все сразу. Но за оговорки — в большей степени. Многие государства ратифицировали конвенцию с декларациями, и 11 из них (из 46 государств) дали в них свои определения национальностей. Совет Европы воспринимает это без особого восторга и критикует их, но, к сожалению, это остается достаточно распространенной практикой.

С оговорками ситуация совершенно иная. Когда Бельгия подписала конвенцию с оговоркой, это стало предметом специального разбирательства. Было запрошено мнение так называемой Венецианской комиссии — это такая специальная

"комиссия мудрецов" при Совете Европы, называемая "Демократия через закон". Кстати, председатель нашего Конституционного суда господин Эндзиньш представляет Латвию в этой комиссии. Венецианская комиссия жестко критиковала Бельгию, после чего ПАСЕ приняла специальную резолюцию с требованием отозвать оговорку при ратификации. Поэтому я думаю, что оговорки, особенно та, которая исключает возможность использования языков меньшинств в общении с официальными органами, в местах, населенных ими исторически или в значительных количествах, будут восприняты болезненно. На самом деле — это один из краеугольных камней конвенции, одно из ее основных положений. Думаю, многие в Совете Европы сочтут, что исключение основополагающей статьи просто несовместимо с принципами Венской конвенции, и критика будет очень жесткой.

— Но министр интеграции и глава МИДа Латвии утверждают, что оговорки никак не повлияют на жизнь нацменьшинств, ибо и сейчас в муниципальных органах можно прибегнуть к помощи переводчика. И все будет протекать как обычно...

— Не надо блефовать! Оба этих министра сегодня играют роль министров пропаганды. Версия, что якобы где-то в муниципалитетах есть какие-то переводчики — исключительно "экспортная". Мы все реально знаем, какова ситуация. Норма закона, где сказано, что разрешается письменное общение только на государственном языке или с переводом, сплошь и рядом нарушается в муниципалитетах русскоязычных районов. Потому что иначе ни на каких переводчиков денег не напасешься. У самоуправлений денег на это нет, все закрывают глаза, иначе муниципалитет просто не сможет выполнять свои функции. Так что все это вранье, и господа министры выдают желаемое за действительное.

— Тогда что они преследуют за цели, делая подобные заявления?

— Они демонстрируют свое желание не честно выполнять конвенцию, а найти путь, чтобы ее не выполнять. За счет оговорок и так далее. И если они думают, что таким образом кого-то в Совете Европы можно обмануть, то они проявляют как минимум некоторую наивность. Потому что в Латвии ситуация не уникальна, как они пытаются это представить. И я, работая в Совете Европы, сталкивался с подобным опытом различных стран. По большому счету, все националисты одинаковы. Ведь чего хотят господа министры? Ратифицировать конвенцию, но в то же время в законодательстве ничего не менять.

— По сути, правящая коалиция и говорит прямым текстом, что надо конвенцию ратифицировать именно в этом составе правительства, пока у власти находятся правые. А то вдруг при следующем созыве у власти окажутся левые и центристы, и оговорки могут вообще не появиться...

— К сожалению, нынешние министры очень четко показывают, что на самом деле их волнует — сохранение власти за своими партиями. И больше ничего. Хотя это хорошо, что нынешнее правое правительство опасается за свое существование. Ведь независимо от прав меньшинств, у многих жителей Латвии — в том числе граждан, и не только русскоязычных, — есть очень много оснований быть им недовольными. Это и отмена потолков квартплаты, и кризис в системе здравоохранения, и рост цен... Так что у правящей элиты есть веские причины опасаться за свое политическое будущее. Но они не учитывают одной простой вещи: если большинство в Сейме будут составлять центристские и левоцентристские партии, у которых не будет этой чрезмерной этнической "озабоченности", любую оговорку, любую декларацию можно будет отозвать. То есть выполнить рекомендации Совета Европы, чему последний будет только рад.

Попасть точно между двух стульев

— Можно ли в будущем, другим составом Сейма, отозвать или аннулировать, к примеру, недавнюю декларацию об оккупации? И какая,

на ваш взгляд, будет реакция европейских структур на появление этого документа?

— Какая будет реакция — посмотрим. Я думаю, что сегодня мы доставляем своим партнерам по Европейскому союзу все больше и больше головной боли. Потому что именно наше поведение не очень разумно и не дает возможности получить закрепленную юридически границу между Евросоюзом и Россией. В отзыве декларации об оккупации нет смысла, поскольку свою роль она уже сыграла. Декларация — она и есть декларация, это не законодательный акт, а некий политический демарш.

— Но она подразумевает создание новых законопроектов, направленных на ущемление прав части жителей Латвии. В частности, о так сказать "добровольном" выдворении из страны бывших военнослужащих советской армии...

— В четверг в Сейме была небольшая дискуссия по процедурным вопросам. И спикер Ингрида Удре заявила, что это всего-навсего предложения, правила рассмотрения и принятия которых отличаются от юридически обязывающих документов. Это не более чем политическая декларация, играющая деструктивную роль. Она никого ни к чему не обязывает, и отзываться ее никакого смысла я не вижу, поскольку это будет точно такой же политический жест.

— А декларация, которая прилагается к латвийско-российскому договору о границе?

— Это правительственная декларация, и пусть правительство решает этот вопрос. Здесь вырисовывается классическая ситуация, которая в последнее время становится не переменным атрибутом политики наших правых: попасть точно между двух стульев.

Друзей в России у Латвии больше нет

— А как вы относитесь к бытующей в кругу латвийских политических экспертов версии, что договор о границе больше нужен России?

— Это непонимание геостратегических реальностей. Дело в том, что Евросоюз и Россия являются стратегическими партнерами. Они кровно заинтересованы в тесном сотрудничестве — это и экономические связи, и поставки энергоресурсов, и проблемы безопасности, и борьба с терроризмом. К сожалению, многие наши политики наивно надеются, что Евросоюз будет защищать нас перед Россией до последней капли крови. Это не так. В этой большой игре договоренности неизбежны, и если мы не найдем более разумной линии, то эти договоренности будут достигаться за наш счет. Один из примеров — недавно появившийся германо-российский проект газопровода по дну Балтийского моря, который минует территорию Латвии.

— То есть наша недалёковидность опять аукнется экономическими санкциями?

— Не обязательно. Важнее то, что Евросоюз, Америка и Россия могут договориться и без нас. У нас есть шанс участвовать в этой игре, но для этого мы должны проявить солидарность и понимать, в чем заключаются интересы и наших партнеров, и наших соседей. А если мы только становимся в позу и требуем: мол, отдайте все, что задолжали за 50 лет оккупации, — этого просто никто не будет принимать всерьез.

— Вы говорили о политической моде. У нас 15 лет она не меняется — в моде национализм. Судя по речам Добелиса, Табунса и иже с ними, они все ждут, когда в России сменится президент, который вдруг окажется лояльным к Латвии. Такое возможно вообще?

— Думаю, что любые изменения в политической элите России могут привести

только к ужесточению позиции по отношению к Латвии. На самом деле мы сегодня за счет своей неумной политики добились того, что у нас больше друзей в России нет. И партия Единая Россия, и Администрация президента представляют наиболее умеренную линию по отношению к Латвии. Если мы посмотрим на любую оппозиционную партию — КПРФ, Родина, ЛДПР, — их отношение к Латвии на несколько порядков более жесткое. И нашим "ястребам" надо молиться, чтобы Путин оставался на своем месте как можно дольше. Потому что тенденции последнего времени в России действительно внушают довольно серьезные опасения. Но надеяться на то, что там к власти придут люди типа Бакатина или Гайдара, — это как минимум наивно. Кончился период совместных "танцев у костра". И это нужно понимать. А с чем я совершенно согласен, так это с тем, что важнейшая задача — наша и наших партнеров по Евросоюзу — это содействовать развитию демократии в России. Но за счет кусания за пятки можно достичь только противоположного эффекта.

Эта страница распечатана с портала DELFI
Адрес <http://rus.delfi.lv/archive/article.php?id=11209447>